

Живое прошлое

К ВОПРОСУ О ПРОШЛОМ КАК ОСНОВЕ РЕГЛАМЕНТАЦИИ НАСТОЯЩЕГО И ЭТАЛОНЕ БУДУЩЕГО: «МОБИЛИЗАЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ» В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

А.В. Корневский

Южный федеральный университет

Аннотация: *Статья представляет собой оммаж выдающемуся философу и политическому аналитику В.П. Макаренко, приуроченный к двум его юбилеям – «анкетному» (восемьдесятилетие) и творческому – полувековой годовщине исследований юбиляра в области «вебероведения». Выдвинутую В.П. Макаренко трактовку социологической концепции Макса Вебера как «частного случая псевдоисторизма» – формы сознательного («идеологического») традиционализма, возникающего в ситуации тотального обрушения социальных устоев, автор предлагает применить в качестве аналитической рамки для осмысления такого современного (в том числе и российского) явления, как «ретротопия», наиболее явно проступающего в виде «медиевализма» – утилитарной рецепции идейного наследия Средневековья применительно к нуждам текущей политики, идеологии и культуры. С точки зрения автора, медиевализм, в российской версии которого явно преобладают византийские образы и мотивы, отнюдь не является изобретением нашего времени: по сути, это – вторичная форма рецепции идейного наследия Средневековья, характерной для XIX века. Таким образом, современный российский медиевализм в более широком плане представляет собой одно из проявлений базового культурного метасюжета «потерянного рая» – ностальгии по столетию, традиционно считающемуся «золотым веком русской культуры» и вершиной имперского могущества.*

Ключевые слова: *В.П. Макаренко, Макс Вебер, традиционализм, псевдоисторизм, ретротопия, медиевализм, неовизантизм, метасюжет.*

*Озирая территорию,
кувыркаюсь в атмосфере я.
Я люблю твою историю,
я люблю тебя, Империя.
Вадим Степанцов*

Поводом к написанию данной статьи стал юбилей Виктора Павловича Макаренко – замечательного философа и политолога, аналитика и мыслителя, хотя предлагаемый сюжет

лишь косвенно связан с основными вехами его жизненного пути. Как верно заметил Э.Ю. Соловьев, в биографии интеллектуала «помимо обычной, “анкетной” истории мыслителя всегда существует еще собственная история его идеи», и первая дает интерпретатору верные подсказки для понимания второй, позволяя в перипетиях «внешней судьбы» видеть «свидетельства, приметы, симптомы скрытых духовных метаморфоз» [Соловьев 1991:21]. Именно поэтому хотелось бы обратить внимание на то, что кроме «анкетной» даты нашего юбиляра мы можем отметить еще одну его годовщину – из разряда тех, которые, говоря словами того же Соловьева, задают особую «смысло-временную целостность» [Соловьев 1991: 45] биографии исследователя.

«Изучением Макса Вебера я занимаюсь с 1974 года» [Макаренко 2019а: 454], – упомянул Виктор Павлович в одной из своих работ. Таким образом, свидетельство юбиляра дает нам повод отметить полувековую годовщину его «веберианы». Ну а то, что это – не пройденный этап, и суждения автора, высказанные им, в частности, в работе, впервые изданной в 1988 году [Макаренко 1988], по-прежнему актуальны – быть может даже более актуальны сегодня, – я и попытаюсь доказать в данной статье.

Рассматривая систему мировоззрения Макса Вебера, Виктор Павлович охарактеризовал фигуранта своего исследования как «сознательного» (или «идеологического») традиционалиста, для которого прошлое – не плюсквамперфект и даже не *magistra vitae* – то, что было и прошло, оставшись лишь назиданием ныне живущим, а ни много ни мало – жесткий императив, «основа регламентации настоящего» [Макаренко 2019b: 306–310] и «эталон будущего» [Макаренко 2019b: 246–258]. Виктор Павлович даже счел возможным применить к Веберу известные слова М.Н. Покровского об истории как политике, опрокинутой в прошлое, добавив при этом, что для Вебера это не только политика, но и, безусловно, идеология [Макаренко 2019b: 309]. Т. е. веберианство – это «частный случай псевдоисторизма» [Макаренко 2019b: 321], в контексте которого прошлому «приписывается абсолютно положительное значение» [Макаренко 2019b: 308] и из него изымаются, вымарываются все реальные антагонизмы и противоречия. В итоге, вместо критически осмысленного и верифицированного знания о прошлом «конструируется его идеальный образ или, если угодно идеальный тип» [Макаренко 2019b: 319].

Нетрудно заметить, что описанная и проанализированная на примере веберианства мировоззренческая модель приложима и к иным типологически близким идеологическим феноменам. В частности, имеются веские основания для применения данного подхода к осмыслению той интеллектуальной ситуации, которая сложилась в нашей стране в 90-е годы и, строго говоря, не может считаться завершенной по сию пору. Речь идет о свойственной современному общественному сознанию (причем, не только российскому) «ретротопии» [Бауман 2019] или «одержимости историей» [Ассман 2019] и ее частном случае – так называемом «медиевализме». Под последним в широком смысле понимается «использование средневековых образов в современной культуре, в том числе массовой, искусстве, коммерции, политике» [Филюшкин 2022: 23]. Но чаще акцент делается именно на политически утилитарном идеологизированном характере такого «присвоения» наследия Средних веков. При этом само данное явление в настоящее время приобрело такой размах, что, в свою очередь, дало жизнь новому междисциплинарному направлению исследований – *Medievalism studies*, «осмысляющему место представлений о Средневековье, его образов и реконструкций в культуре последующих эпох» [Русанов 2019: 14].

Разумеется, наша страна – не исключение: медиевализм или «мобилизация Средневековья» [Филюшкин 2017; Филюшкин 2021] – это общемировой тренд. Эпоха гордых витязей, благородных дев и возвышенных мистиков повсеместно сохраняет свою привлекательность как для общества, так и для тех, кто мыслит себя его вождями и «властителями дум». В их

восприятию история в целом и Средневековье в первую очередь как «славная эпоха, насыщенная событиями, которыми можно гордиться» [Филлюшкин 2021:10], остается универсальным сырьевым ресурсом идеологии – своего рода конструктором «Лего», из которого можно по своему усмотрению брать любые приглянувшиеся элементы и создавать из них собственные конструкции. Однако даже на этом фоне рубеж веков в нашей стране отличается невиданным всплеском псевдоисторических фантазий, вызывавших и до сих пор вызывающих просто-таки экстатический восторг от самого процесса прикосновения (подлинного или, что значительно чаще, мнимого) к «незамутненным истокам». И усмотреть в это «веберовскую» подоплеку позволяют по меньшей мере две причины.

Во-первых, вновь обратимся к труду Виктора Павловича, принципиальное отличие осознанного или «идеологического» традиционализма от стихийного заключается в том, что последний «является духовной надстройкой над более или менее устойчивым социальным порядком», тогда как первый «вырастает из ощущения тотального распада какого-то былого порядка» [Макаренко 2019b: 315]. То, что это напрямую относится к ситуации рубежа веков в России, видимо не нуждается в пространных комментариях и аргументах.

Во-вторых, не следует сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что в указанный период экзистенциальная катастрофа постигла огромную армию обществоведов на одной шестой части суши от Калининграда до Владивостока. Им была жизненно необходима срочная замена тому учению, которое было, как учил классик и как им самим казалось, «всесильно, потому что верно». Поэтому многочисленные публикации первой половины 90-х гг. Вебера и о Вебере пришлось как нельзя более кстати. Тем паче, что практически во всех переводных работах веберизанство подавалось как альтернатива марксизму, а за самим Вебером в литературе прочно закрепилось прозвище «буржуазного Маркса» [Bittman 1986]. Поэтому осознанно или неосознанно эти мотивы, конечно же, влияли на умонастроения постсоветской гуманитарной интеллигенции, принявшей самое активное участие в «мобилизации Средневековья».

В этом широком семиотическом поле достаточно четко просматриваются три основных тематических русла или метасюжета. Под метасюжетом в современном социогуманитарном знании понимается общая парадигмальная основа различных созвучных друг другу нарративов, своего рода «скелет», проступающий под конкретикой их повествовательной «плоти». По определению С.А. Наумова метасюжет – это «наиболее сложно и искусственно организованный контекст», который «жестко задает правила, логику интерпретации, максимально ограничивает понимающего в его восприятии» [Наумов 2008: 8–9], «один из видов историй, которые используются в тех случаях, когда действие в публичных коммуникациях претендует на стратегические цели» [Наумов 2008: 22]. Или, в сходной трактовке К.М. Королева, – «обобщенная форма социальной коммуникации, социально-идеологический контекст, в рамках которого формулируются, описываются, артикулируются, принимаются и развиваются некоторые ценностные, мировоззренческие установки» [Королев 2008: 62].

Более всего синонимичен хрестоматийному представлению о Средневековье метасюжет, который можно условно назвать «феодално-рыцарским». Однако он, будучи всерьез освоен литературой, кино и компьютерной игровой индустрией в диапазоне от фэнтези до исторической беллетристики и нон-фикшн, оказался наименее политизирован. Причина очевидна: эта история, сколь бы интригующей и яркой она не была – «не наша» и самых глубоких чувств потенциальных реципиентов не задевает, а потому идеологам и политикам тут развернуться негде. Второй метасюжет, который вслед за К.М. Королевым мы условно назовем «славянским», охватывает широчайшую тематику от древнейших эпох до Московского царства и столь же прочно освоен массовой культурой, но наряду с этим проявляется и в политическом дискурсе с явным перевесом в сторону правого фланга: образ Ивана Грозного

будоражит воображение крайних консерваторов и фундаменталистов, а так называемое славянское неоязычество может проступить и как игры реконструкторов или иных не вполне повзрослевших тинэйджеров отнюдь не подросткового возраста, и как квази-религиозный культ, и как ультра-националистическая идеология. Но несравненно больший общественный резонанс вызывает третий метасюжет, который на первый взгляд тоже может показаться как будто бы «не нашим», однако на поверку оказывается даже более «нашим», чем «славянский».

Речь идет о так называемом «византизме» или «византийском наследии», вокруг которого в публичном поле уже более тридцати лет разыгрываются нешуточные баталии. Парадоксальным образом катализатором общественного интереса к византийскому наследию стала ситуация, очень сходная с «открытием» Макса Вебера отечественными обществоведами. С разницей в несколько месяцев вслед за «Избранным» Вебера то же самое издательство «Прогресс» выпустило своего рода дайджест двенадцатитомного труда А.Дж. Тойнби «A Study of History», что было не вполне корректно переведено как «Постижение истории» [Тойнби 1991].

Книга, в которой русская цивилизация описывалась как ответвление византийской, вышла в свет буквально накануне крушения Советского Союза, и это оказалось весьма кстати для огромной армии преподавателей истории КПСС, в одночасье потерявших средство пропитания и мировоззренческий ориентир. Английский историк стал властителем дум российских интеллектуалов, причем не только либералов-западников (что объяснимо, поскольку в концепции Тойнби фактически ставился знак равенства между «византизмом» и тоталитаризмом), но и ревнителями «скреп и устоев».

Публикация труда Тойнби как бы реанимировала старый спор западников и славянофилов / почвенников. При этом, как и в XIX веке, между двумя противоборствующими лагерями сложился своеобразный консенсус во взгляде на Византию как первопричину всего того, что происходило и происходит в России. Одни, вслед за Чаадаевым, возлагали на «презренную Византию» вину за отсталость России и фатальный выбор ею тупикового исторического пути. Другие готовы были подписаться под словами Константина Леонтьева: «Византизм организовал нас, система византийских идей создала величие наше» [Леонтьев 2007: 180].

Едва российские интеллектуалы освоились с текстами Тойнби, как летом 1993 г. в «Foreign Affairs» появилась статья Сэмюэла Хантингтона «Столкновение цивилизаций?» [Huntington 1993]. Всего через полгода она была переведена на русский и опубликована в «Полисе» [Хантингтон 1994] в многозначительном тандеме с программной статьей Сорокина о «многополярном мире» [Сорокин 1994]. Воодушевление, с которым российские интеллектуалы восприняли тогда тексты Хантингтона, Б. Межуев объяснял семью годами позже «сменой рамки» в дискурсе о прошлом и будущем России после того, как устами Бжезинского и Фукуямы ей было указано «далеко не самое почетное место». Теперь ей «как ядру собой, православно-славянской цивилизации, предложили свободно обустраиваться не только на своей территории, но и на пространстве всей православной ойкумены» [Межуев 2001].

Не имея возможности описывать все перипетии полемики о византизме, укажем лишь на одну из кульминационных точек этой идейной баталии – фильм архимандрита (ныне митрополита) Тихона (Шевкунова) «Гибель империи. Византийский урок». То, что этот фильм – классический пример мифологизации истории, не сказал только ленивый. Но зачастую его критика сводилась к поиску подтасовок и искажений фактов. Так, например, Г. Ревзин охарактеризовал фильм как «гибель истории» и «откровенное вранье» [Ревзин 2008], С.А. Строев назвал его «медвежьим агитпропом в византийском антураже» [Строев 2008]. Многим представителям «либерального лагеря» могло даже показаться, что этот, по выражению Ю.Н. Афанасьева «очень-очень гадкий фильм» [Захариу 2008] повержен во прах.

В.И. Новодворская поздравила единомышленников с тем, что «либералы, слава Богу и св. Софии, пробудились от летаргии и ударили историей по невежественной фэнтези нового Савонаролы». Однако, возжелав «бросить свой камень», она нарисовала картину, еще более далекую от исторической реальности, чем та, что представлена в «Гибели империи»: «Как жила Византия? Голодный, нищий, порабощенный и безграмотный народ, тупая самодовольная власть в золоте и “шоколаде”, свора тупых чиновников без всякой инициативы. Жили остатками знаний Римской империи, пока варвары были дикой ордой. Но варвары развивались, а Византия застыла в своем мраморе и своей спеси» [Новодворская 2008].

Как видим, тема «византийского наследия» снова, как и в XIX веке, превращается в «идеологический пинг-понг» – борьбу с мифами посредством фабрикации контр-мифов. В идейно чуждом тексте опознается миф, понимаемый как фальсификация, искажение «исторической правды», чему противопоставляется «своя правда», оказывающаяся на поверку такой же, если не более грубой, инсинуацией. В действительности же механизм мифологизации заключается в том, что Ролан Барт называл «похищением языка». Маркируя собою то или иное явление, миф, подменяет первичный смысл нарратива, описывающего это событие: «его задача – “протащить” некую понятийную интенцию» [Барт 2008: 289]. Тем самым миф создает иллюзию очевидности вторичного, «просочившегося» в описание смысла [Барт 2008: 293].

Если мы будем внимательны к словесной ткани дикторского текста в «Византийском уроке», то обнаружим, что, говоря о Ромейской державе, автор употребляет совершенно не свойственные Византии понятия: «вертикаль власти», «стабилизационный фонд», «олигархи» и т. д. [Тихон (Шевкунов) 2008]. Иными словами, нам посылается сигнал о том, что на самом деле повествование ведется не об империи ромеев, а о другой стране и другой эпохе.

Еще один всплеск интереса к византийской теме был отмечен пятью годами позже. Летом 2013 года вышла статья главного редактора журнала «Сноб» Николая Ускова «Конец истории». Если заглавие текста явно отсылает к концепции Фукуямы, то его содержание представляет собой осовремененный пересказ «Философических писем» Чаадаева: «У русских нет истории. Мы, как первобытный народ, до сих пор живем в пространстве мифа. Напластование романтических фантазий, злонамеренной лжи, фальсификаций, собственно, и составляют сегодня российскую историю» [Усков 2013]. Сей манифест вызывал бурную дискуссию, кульминацией которой стала публикация в январе 2014 года статьи главреда журнала «Эксперт» Валерия Фадеева «На твердой почве». Ее посыл был раскрыт в первых строках: «Россия выйдет из кризиса европейской цивилизации в наилучшей форме. Основанием для этого являются ее византийские корни» [Фадеев 2014]. И вновь возникает эффект дежавю: будто не один главред полемизирует с другим, а новый «басманный философ» пеняет России на «неправильную историю», а в ответ ему новая инкарнация шефа Третьего отделения излагает свою истоиософскую доктрину: «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается до будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение» [Лемке 1909: 411]. Попутно заметим, что некоторую долю исторической иронии добавляет этой сентенции, не без оснований считающейся квинтэссенцией имперского «русопятства», что сказаны они были как отповедь М.Ф. Орлову, пытавшемуся выгородить Чаадаева, остзейским немцем, да еще и на французском языке.

Столь явные параллели между идейными исканиями и метаниями между веком нынешним и позапрошлым заставляют задуматься о внутренней подоплеке этой идейной переключки. В самом деле, случайно ли то обстоятельство, что помимо «медиевализма» наибольший отзвук в современном обществе вызывают сюжеты и мотивы именно XIX столетия. Не только российская, но и вся современная массовая культура буквально заморожена фраками, эполетами, кринолинами и жирондолями. Однако в нашей стране этот тренд обусловлен еще

и всеобщим убеждением, что именно XIX век был не только пиком имперского могущества (с 1815 по 1841 годы это была держава, раскинувшаяся на 15 часовых поясов – от форта Росс в Калифорнии до Ченстоховы в Царстве Польском), но и «золотым веком русской литературы и мысли» [Offord 1990]. Это настроение, выражающее всеобщую зачарованность позапрошлым столетием, очень точно отражено в реплике одного из участников обсуждения фильма «Союз спасения», состоявшегося на Первом канале 2 января 2020 года: «России очень идет XIX век» [«Союз спасения» 2020].

Заметим, что отношение к этому столетию как недостижимой вершине сформировалось достаточно рано: даже русские эмигранты, ностальгируя об утерянной родине, удостоили предреволюционное время метафоры «Серебряного века» как своего рода оммажа предшествующему столетию, еще и прибавляя к этому определению «декадентский», как П.Н. Милюков в своей речи 1924 г. о Пушкине [Милюков 1997: 313]. Иными словами, сами творцы и титаны русской культуры начала XX века признавали, что их время все-таки, при всем его внешнем блеске, по сравнению с предшествующим столетием было упадком.

В связи с этим важно отметить, что и сегодняшнее увлечение Средневековьем – отнюдь не новость. Все это уже было в позапрошлом веке, поэтому многие исследователи предпочитают обозначать нынешнюю «мобилизацию Средневековья» как «новый медиевализм» [Rethinking the New Medievalism 2014; Утц 2018] или «неомедиевализм» [Fitzpatrick 2019], подчеркивая при этом его «эфемерность» и «неаутентичность» в сравнении с «традиционным» медиевализмом [Русанов 2019: 19]. И в этом смысле можно сказать, что интерес к Византии и к Средневековью в целом – лишь часть общей тенденции, которую можно было бы назвать ностальгией по XIX веку, причем не только в России.

Что же касается отечественной версии данного явления, то, пожалуй, еще ближе подошел к объяснению столь пристального взглядывания наших современников в ту эпоху А.В. Ермаков, считающий, что в современной государственной идеологии явно проступают «николаевские» интенции [Ермаков 2009]. По его мнению, XIX столетие именно тем и завораживает наших современников, что было, по сути, «расцветом на пути к катастрофе»: «Оно подобно волне, высоко взметнувшейся над морской поверхностью. Мы уже знаем, что всего через несколько мгновений вся она бессильно разобьется о берег, но там, наверху, не ожидая скорого и страшного падения, рождаются миллионы искрящихся брызг. За миг до того, как снова исчезнуть в общем потоке, каждая мельчайшая частичка воды начинает свою короткую неповторимую жизнь. И эта жизнь прекрасна!» [Ермаков 2007]. Примерно ту же идею выражал и В. Степанцов, воспевая «закатное, обреченное величие» империи [Степанцов 2021] в своих «маньеристских» стихах середины 90-х, из которых позаимствован эпиграф к данной статье.

В этих словах, как представляется, достаточно точно и емко выражен амбивалентный характер как самого XIX столетия, так и отношения к нему современников и потомков. А это в свою очередь позволяет понять, что и нас, и людей «золотого века русской культуры» влекло и влечет к Византии и Средневековью в целом. По сути, «неомедиевализм» представляет собой эффект двойного зеркала: люди XIX столетия всматривались в Средневековье в поисках самих себя, тогда как наши современники повторяют их опыт, поэтому и в Средних веках нас волнует то же, что и в позапрошлом веке – «предзакатное величие». Не случайно А.К. Толстой, один из самых вдохновенных русских «медиевалистов» XIX в., воспевал Киевскую Русь – ибо, как он сам признавался в письме Б.М. Маркевичу, «когда я думаю о красоте нашей истории до проклятых монголов..., мне хочется броситься на землю и кататься в отчаянии от того, что мы сделали с талантами, данными нам Богом!» [Толстой 1964: 281]. И «византизм» русских интеллектуалов «золотого века» был не чем иным, как отдаленным эхом двух противоположных эмоций, запечатленных в анналах истории: с одной стороны – ис-

кренного восторга дружинников князя Владимира, оказавшихся в Айя-Софии и не понимавших, на земле они или на небе, с другой – смятения современников падения Константинополя 29 мая 1453 г., скорбевших о том, что врата той же Айя-Софии, по словам старца Филофея, «агаряне внуцы сѣкирами и оскородьми разсекоша» [Синицына 1998: 358]. И потому самого автора теории «Москва – Третий Рим» интеллектуалы XIX века возвели на пьедестал величайшего русского пророка; и потому столь пристально вглядывались они в ту эпоху, когда жил и творил псковский старец – рубеж XV–XVI столетий – как время величайших свершений накануне катастрофы опричнины, Ливонской войны и Смуты.

Пожалуй, любой медиевист в душе – «имперский маньерист», и об объекте своего обожания он мог бы сказать словами «Солнца русской поэзии»: «приятна мне твоя прощальная краса». И неслучайно во всех исторических теориях, оперирующих такими макровеличинами, как цивилизация, культурно-исторический тип, суперэтнос и т. д., империи (или, по Тойнби, «универсальные государства», которые «одержимы почти демоническим желанием жить» [Тойнби 1991: 486]) соотносятся с инерционной фазой жизненного цикла этих систем, «порождающей искусство, роскошь, интриги и социальные идеи» [Гумилев 1988: 214]. С одной стороны, система уже утратила внутренний импульс своего развития, вступила в стадию «надлома», «пассивной аберрации творческого духа» [Тойнби 1991: 309], но именно в это время «наступает длинный период инерции, когда упорядочивается хозяйство, расширяется образованность и царит законность» [Гумилев 1988: 214].

Следует подчеркнуть, что сквозящая в такой «одержимости историей» тоска по утраченному державному величию свойственна не только отечественному общественному сознанию. Трамповское «Make America great again!» и «неоимпериализм» Н. Фергюсона [Ferguson 2004] – явления того же порядка, равно как и британская ностальгия по Викторианской эпохе [Becker 2018: 248], реставрация имперских символов в европейских странах (как, например, возвращение имени Гинденбурга одной из центральных площадей в Мюнстере [Birkner, Donk, 2020]), реанимация «Ягеллонской идеи» в Польше¹ и многое другое, что сегодня обобщенно именуется «консервативным ренессансом».

Природа подобных настроений была описана А.Дж. Тойнби еще в 1947 г. [Toynbee 1947] в его публичной лекции «Византийское наследие России», прочитанной в университете Торонто во время его первого триумфального турне по Северной Америке: «Империи, подобно Римской или Китайской, дарующие мир на века некогда охваченным войной странам, завоевывают вследствие этого столь сильную признательность и уважение своих подданных, что последние просто не мыслят свою жизнь вне империи и соответственно не могут поверить, что когда-нибудь этот, по всей видимости, незаменимый институт может прекратить свое существование» [Тойнби 2003а: 377–378]. Следует подчеркнуть, что объектом ностальгических переживаний, согласно данному суждению, выступает не сама империя, а именно социально-политическая стабильность и уверенность в завтрашнем дне, которую она дарует своим подданным. Добавим к этому, что сам Тойнби, столь афористично вписав русский «византизм» в общеисторический контекст, двенадцатью годами позже признался, что и ему, и его соотечественникам свойственны подобные ностальгические сантименты. В своих мемуарах, опубликованных в 1969 г. [Toynbee 1969], он очень ярко описал свои детские впечатления от чествования «бриллиантового юбилея» королевы Виктории в 1897 г.

¹ Отличительной чертой польской версии медиевализма является категорическое отрицание имперского статуса Речи Посполитой, хотя то, как конструируется образ этого государства в публичном пространстве представляет собой типичное проявление ностальгического неоимпериализма, описывающего Речь Посполитую как идиллическое сообщество разных народов, пребывавших в полной гармонии «под общим небом» – именно так была названа конференция, прошедшая в Варшавском университете в 2010 году [Pod wspólnym niebem 2010] и выставка в Варшавском королевском замке, организованная двумя годами позже [Pod wspólnym niebem 2012].

и контрастировавшее с этим всеобщим восторгом возникшее уже через два года (с началом Англо-бурской войны) предчувствие того, что «викторианская иллюзия стабильности разбивается вдребезги» [Тойнби 2003b: 172].

Особо следует отметить, что это признание было сделано в то самое время, когда в настроениях британцев, весьма болезненно переживавших превращение своей страны из мировой империи в сателлита нового гегемона, стала все отчетливее проступать тенденция «историзации ностальгии». Так определили суть данного явления издатели журнала «History and Theory», инициировав дискуссию по этому вопросу [Becker 2018, Landwehr 2018, Lorcin 2018]. Как заметил один из участников этой дискуссии, повторное открытие (rediscovery) «Викторианы» в 1960-х стало прологом к «ностальгической волне» 1970 гг. [Becker 2018: 248]. Примечательно, что, объясняя природу данного явления и указывая, что ностальгические настроения как правило соседствуют с апелляциями к будущему, Беккер ссылается на А. Дж. Тойнби (точнее – на 6-й том «A Study of History», вышедший незадолго до его лекции о «византийском наследии»): «Футуризм и архаизм в равной степени – суть попытки порвать с опустылевшей Современностью, совершив стремительный прыжок в потоке Времени» [Becker 2018: 249; Toynbee 1946: 97]. Также важно отметить, что согласно изысканиям Р. Утца именно в 1970-х в публичный дискурс вбрасывается основательно подзабытый термин «медиевализм», изобретенный еще в начале XIX столетия [Утц 2018].

Таким образом, и в анамнезе британского медиевализма мы видим тот же эффект двойного зеркала: люди XIX столетия, стремясь осмыслить свое бытие, вглядывались в Средневековье, а их потомки (второй половины XX века в Британии, рубежа столетий – в России), ностальгируя по былому величию «Викторианы» или «золотого века русской культуры», стремятся «второй раз войти в ту же воду» – копируют культурный опыт предков. Парадокс заключается в том, что в начале XIX века рецепция наследия Средневековья как раз была средством преодоления социальной дезориентации, вызванной радикальной трансформацией общественных устоев. На рубеже XVIII–XIX столетий кляча истории пустилась вскачь: вследствие промышленной революции невиданно ускорилось социально-экономическое развитие и обострились все связанные с этим противоречия, а грандиозные политические катаклизмы (Французская революция, Наполеоновские войны) усилили чувство бесприютности человека в столь стремительно меняющемся мире. На фоне этих метаморфоз Средневековье казалось идиллической тихой заводью, потерянным раем, воспоминание о котором служило утешением и рождало надежду на то, что, когда бури стихнут, мир вернется к прежней гармонии (еще раз вспомним слова Тойнби о взаимообусловленности архаизма и футуризма). И в этих обстоятельствах стихийный традиционализм прежнего столетия трансформировался в консерватизм, «осознанный традиционализм», который «вырастает из ощущения тотального распада какого-то былого порядка» [Макаренко 2019b: 315].

Но игра в медиевализм затянулась надолго, на целый век, став его «визитной карточкой», культурным маркером. А вместе с тем неизбежно снижалась его рефлексивность; игра со Средневековьем все более становилась культурной привычкой в широком диапазоне от «большого стиля», эстетического принципа до поведенческого стереотипа. Однако, когда этот уже устоявшийся и ставший вполне благополучным мир XIX столетия затрещал по швам, и в свои права вступил XX век – «эпоха крайностей», как называл его Э. Хобсбаум [Хобсбаум 2004], все повторилось вновь. И теперь век минувший стал объектом ностальгического переживания, потерянным раем. Чем дальше уходило в прошлое XIX столетие, тем больший эмоциональный отклик вызывали присущие ему черты, «преданья милой старины», в том числе – и медиевализм, «переизобретенный» во второй половине XX века и достигший своей кульминации на сломе тысячелетий.

Иными словами, и рецепция культурного наследия Средневековья в XIX столетии, и «новый медиевализм» конца XX – начала XXI веков, неотделимый от ностальгии по веку девятнадцатому – суть разные во времени и пространстве, отличающиеся своей национальной спецификой варианты и версии одного сквозного мотива – глобального метасюжета потерянного рая.

Ассман А. 2019. *Забвение истории – одержимость историей*. – М.: Новое литературное обозрение. – 552 с.

Барт Р. 2008. *Мифологии*. – М.: Академический Проект. – 351 с.

Бауман З. 2019. – *Ретротопия*. – М.: ВЦИОМ. – 160 с.

Ермаков А.В. 2007. XIX век в России: расцвет на пути к катастрофе – *Православие.ру*. 16.07.2007. – Доступно: <https://pravoslavie.ru/5704.html> – Проверено: 12.04.2024.

Ермаков А.В. 2009. Современная российская государственная идеология и ее «николаевские» корни – *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение»*. – № 1 (3). – С. 118–128.

Захариу А. 2008. Гибель империи. Византийский урок – *Афинские новости*. 07.07.2008. – Доступно: <https://rua.gr/news/news/2281-gibvizant.html> – Проверено: 12.04.2024.

Королев К.М. 2019. *Поиски национальной идентичности в советской и постсоветской массовой культуре: славянский метасюжет в отечественном культурном пространстве*. – СПб.: Нестор–История. – 376 с.

Лемке М.Р. 1909. *Николаевские жандармы и литература. 1826–1855*. – СПб.: Издательство С.В. Бунина. – 614 с.

Леонтьев К.Н. 2007. *Византизм и славянство: сборник статей*. – М.: АСТ. – 571, [5] с.

Макаренко В.П. 1988. *Вера, власть и бюрократия: критика социологии М. Вебера*. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета. – 300, [1] с.

Макаренко В.П. 2019b. Вера, власть и бюрократия: критика социологии Макса Вебера. – *Макаренко В.П. Собрание сочинений: в 3 т.* Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета. – С. 33–368.

Макаренко В.П. 2019a. Нереализованная идея столетней давности. – *Макаренко В.П. Собрание сочинений: в 3 т.* – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета. – С. 452–459.

Межуев Б.В. Из истории девяностых – Россия читает Хантингтона. – *Русский архипелаг. Сетевой проект «Русского мира»*. – Доступно: <http://www.archipelag.ru/geopolitics/stolknovenie/clash2/2291/> – Проверено: 12.04.2024.

Милюков П.Н. 1997. *Живой Пушкин. Историко-биографический очерк*. – М.: Эллис Лак. – 416 с.

Наумов С.А. 2008. *Гуманитарные знания и технологии в пространстве масс-медиа (философско-методологический анализ)*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – М.: Институт философии РАН. – 28 с.

Новодворская В.И. Чтоб землю в Стамбуле чекистам отдать – *Грани.Ру*. – 12.02.2008. – Доступно: <https://grani-ru-org.appspot.com/Culture/Cinema/m.133459.html>. – Проверено: 12.04.2024.

Ревзин Г. 2008. Гибель истории. Уроки отца Тихона – *Коммерсант*. 31.01.2008. – Доступно: <https://www.kommersant.ru/doc/847456>. – Проверено: 12.04.2024.

Русанов 2019: 19 Medievalism studies: как изучается «современное Средневековье»? – *Vox medii aevi*. – Vol. 2(5). – С. 12–42. – Доступно: <http://voxmediiaevi.com/2019-2-rusanov> – Проверено: 12.04.2024.

- Синицына Н.В. 1998. *Третий Рим. Истоки и эволюция средневековой концепции (XV–XVI вв.)*. – М.: Индрик. – 416 с.
- Соловьев Э.Ю. 1991. Биографический анализ как вид историко-философского исследования. – Соловьев Э.Ю. *Прошлое толкует нас: Очерки по истории философии и культуры*. – М.: Политиздат. – С. 19–52.
- Сорокин К.Э. 1994. Россия и многополярность: «время обнимать, и время уклоняться от объятий» – *Полис. Политические исследования*. – № 1. – С. 7–32.
- Союз спасения... 2020. «Союз спасения». Сегодня вечером. Выпуск от 02.01.2020 – *Первый канал*. – Доступно: <https://www.1tv.ru/shows/segodnya-vecherom/vypuski/soyuz-spareniya-segodnya-vecherom-vypusk-ot-02-01-2019>. – Проверено: 12.04.2024.
- Степанцов В. 2021. *Орден куртуазных маньеристов*. – Доступно: <https://www.rulit.me/author/stepancov-vadim/orden-kurtuaznyh-maneristov-sbornik-get-23600.html> – Проверено: 12.04.2024.
- Строев С.А. 2008. *Медвежий агитпроп в византийском антураже* – Доступно: <https://contrtv.ru/common/2618/>. – Проверено: 12.04.2024.
- Тихон (Шевкунов). Дикторский текст литературного сценария фильма «Гибель империи. Византийский урок» с научными комментариями. – *Византийский урок*. – Доступно: <http://vizantia.info/docs/1.htm> – Проверено: 12.04.2024.
- Тойнби А.Дж. 1991. *Постижение истории*. – М.: Прогресс. – 736 с.
- Тойнби А.Дж. 2003а. *Цивилизация перед судом истории*. – М.: Айрис-Пресс. – 592 с.
- Тойнби А.Дж. 2003б. – *Пережитое. Мои встречи*. – М.: Айрис-Пресс. – 672 с.
- Толстой А.К. 1964. Письмо Б.М. Маркевичу от 26 апреля 1869 г. – *Собрание сочинений в четырех томах*. – Т. 4. – М.: Художественная литература. – С. 278–284.
- Утц Р. 2018. Дивные новые медиевализмы? – *Неприкосновенный запас*. – № 1. – С. 164–172.
- Усков Н.Ф. 2013. *Конец истории* – Доступно: <https://uskov.livejournal.com/172521.html?ysclid=luww5am5yc594334322> – Проверено: 12.04.2024.
- Фадеев В.А. 2014. На твердой почве – *Эксперт*. – № 3 (882). – 13–19 января. – Доступно: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%AD/ekspert-ekspert-zhurnal/ekspert--03-2014/1?ysclid=luwwbitvps273225266> – Проверено: 12.04.2024.
- Филюшкин А.И. 2017. «Мобилизация Средневековья» как поиск идентичности: какими путями Белоруссия хочет уйти от исторического наследия Российской империи и СССР – *Quaestio Rossica*. – Т. 5. – № 2. – С. 569–590.
- Филюшкин А.И. 2021. Введение, или Для чего понадобилась мобилизация Средневековья? – *Мобилизованное Средневековье: в 2 т.* Т. I: Медиевализм и национальная идеология в Центрально-Восточной Европе и на Балканах / под ред. Д.Е. Алимова и А.И. Филюшкина. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. – С. 5–16.
- Филюшкин А.И. 2022. Почему в современном мире будущее заменяют прошлым: история возвращается? – *Международная аналитика*. – № 13 (3). – С. 16–22.
- Хантингтон С. 1994. Столкновение цивилизаций? – *Полис. Политические исследования*. – № 1. – С. 33–48.
- Birkner T., Donk A. 2020. Collective Memory and Social Media: Fostering a New Historical Consciousness in the Digital Age? – *Memory Studies*. – Vol. 13(4). – P. 367–383.
- Хобсбаум Э. 2004. *Эпоха крайностей. Короткий XX век: 1914–1991*. – М.: Независимая газета. – 632 с.
- Becker T. 2018. The Meanings of Nostalgia: Genealogy and Critique. – *History and Theory*. – Vol. 57. – No. 2. – P. 234–250.

Bittman M. 1986. A Bourgeois Marx? Max Weber's Theory of Capitalist Society: Reflections on utility, rationality and class formation. – *Thesis Eleven*. – No. 15. – P. 81–91.

Ferguson N. 2004. *Colossus: The Price of American Empire*. – New York: Penguin Press. – 384 p.

Fitzpatrick K.A. 2019. *Neomedievalism, Popular Culture, and the Academy from Tolkien to Game of Thrones*. – Cambridge: D.S. Brewer. – XXII. – 222 p.

Huntington S.P. 1993. The Clash of Civilizations? – *Foreign Affairs*. – Vol. 72. – No. 3 (Summer). – P. 22–49.

Landwehr A. 2018. Nostalgia and the Turbulence of Times. – *History and Theory*. – Vol. 57. – No. 2. – P. 251–268.

Lorcin P. “The Nostalgias for Empire”. – *History and Theory* 57. – No. 2 (2018). – P. 269–285.

Offord O. 1990. Introduction – *The Golden Age of Russian Literature and Thought. – Selected Papers from the Fourth World Congress for Soviet and East European Studies*. – Harrogate: St. Martin's Press. – P. 1–6.

Pod wspólnym niebem 2010. *Pod wspólnym niebem. Narody dawnej Rzeczypospolitej*. Pod redakcją Michała Kopczyńskiego i Wojciecha Tygielskiego. – Warszawa: Muzeum Historii Polski; Dom Wydawniczy «Bellona». – 255 s.

Pod wspólnym niebem 2012. Wystawa «Pod wspólnym niebem» otwarta na Zamku Królewskim w Warszawie – *Historia.org.pl*. 5 maja 2012. – Доступно: <https://historia.org.pl/2012/05/05/wystawa-pod-wspolnym-niebem-otwarta-na-zamku-krolewskim-w-warszawie/> – Проверено: 12.04.2024.

Rethinking the New Medievalism 2014. *Rethinking the New Medievalism* Eds. R. Howard Bloch, A. Calhoun, J. Cerquiglini-Toulet, J. Küpper, J. Patterson. – Baltimore: Johns Hopkins University Press. – 2014. – VIII. – 280 p.

Toynbee A.J. 1947. Russia's Byzantine Heritage – *Horizon*. – Vol. XVI. – No. 91. August. – P. 82–95.

Toynbee A.J. 1946. *A Study of History*. – Vol. VI. – London; New York; Toronto: Oxford University Press. – 633 p.

Toynbee A.J. 1969. *Experiences*. New York: Oxford University Press. – IX. – 417 p.